У дома Малявиных собирался народ. Не то чтобы народ, но мужики, в общем. Бабам-то некогда по сходкам ходить — время к вечеру, кому щи варить, кому козу доить. Да и не женское это дело — клад искать. А Иван Терентьич Малявин, хозяин, стало быть, именно этим сегодня целый день и занимался. Вчера ещё приехал он из города, где два дня сидел в архивах, и с порога заявил жене:

— Нюрка! Скоро разбогатеем с тобой, вот только клад найду.

Нюрка (по паспорту Анна Гермагеновна) молча покрутила пальцем у виска и бухнула на стол чугунную сковородку с жарёхой: пока её непутёвый муженёк ерундой занимался, она с утра за грибами сходила, целый горбовик домой принесла, перебрала да перемыла каждый грибочек, что засолила, а что зажарила с картошкой да лучком на ужин. Терентьич наелся и лёг спать, наказав жене разбудить его засветло.

Утром Нюрка и не подумала будить мужа, а занялась привычными своими делами: на сегодня у неё была запланирована прополка грядок с огородной мелочью. Терентьич, проснувшийся ближе к обеду, выскочил на крыльцо в одних подштанниках и заголосил:

— Просил же разбудить, едрит твою налево! Ох, непутёвая ты дженщина, Нюрка! И как с такой бестолочью всю-то жизню живу!

Анна Гермагеновна разогнула уставшую спину, уткнула кулаки в бока и громко «приласкала» мужа в ответ:

— Ай, от бестолочи слышу! Бога-а-ач тоже мне нашёлся! Кла-а-ад он, видите ли найдёт! Пенсию завтрева принесут — вот и клад тебе! Иди вон, суп грей!

Торопливо поедая наваристые щи с тушёнкой, Терентьич вразумлял супругу:

— Ты, Нюрка, подумай, подумай своими мозгами куриными, рази ж бумаги старинные врать будут? Точно тебе говорю, зарыл Волокитин деньги во дворе где-то! Я в архивах его письмо нашёл, он батраку своёму, Терентию, батьке моему, стал быть, написал, что под деревом искать надоть.

— Под каким деревом-то? Ни одного у нас нету.

— Так сёдня нету, а тогда было!

— Ну а где было-то? Чё теперь, весь двор перекапывать?!

— А чё, если надо, и весь перекопаю! — Терентьич гордо выкатил тощую грудь.

— Да лучше б ты забор поправил, не то свалится скоро, людя́м на смех!

— Какой забор, Нюрка, я ж тебе о богатстве толкую, о зо-ло-те!

Анна Гермагеновна горестно махнула рукой и, схватив хозяйственную сумку, ушла из дома, громко хлопнув дверью: в сельпо привезли сахар, нужно было отовариться, а то без варенья останутся на зиму.

Терентьич вышел во двор и огляделся. Его всё же терзали смутные опасения — двор не маленький, а в документах, которые он в городском архиве нашёл, был только один ориентир — дерево. Всю жизнь он прожил в этом доме, всё детство провёл на этом дворе — не было здесь никогда деревьев. Одно не вызывало сомнений, что дом этот когда-то принадлежал раскулаченному после революции зажиточному крестьянину Егорке Волокитину, на которого Терентий Малявин с юных лет батрачил. Егорка от революции сбежал, а Малявиным Советская власть от щедрот душевных отдала половину дома, поселив во вторую половину нищего Заныку, сделавшегося вдруг важной птицей — коммунистом.

Маленький Ванька Малявин, сидя во время праздников под столом, часто слышал разговоры мужиков, разгорячённых отменным первачом, о том, что де Волокитин бежал впопыхах и не мог богатство своё увезти, что закопал он его, непременно закопал где-то поблизости! На что отец всегда отвечал: «Ну где, где? Во дворе? Так вон, гляньте, в огородах всё, пахано-перепахано! Нету тут никакого золота». А Ванька, даже уже став Иваном Терентьевичем, а затем и просто Терентьичем, всё мечтал найти легендарный, маловероятный, но такой желанный клад.

Терентьич тряхнул головой и отправился в сарай за лопатой. Решив идти, так сказать, напролом, он поплевал на руки и начал копать от угла забора — упрямства ему было не занимать, он действительно был готов перекопать весь двор, чтобы уж либо найти, о чём грезил ночами, либо убедиться в правоте жены и разочароваться в своей мечте. Глубину поисков он давно определил: будет рыть на свой рост — а росту ему отмерено метр восемьдесят два — глубже вряд ли кто-то клад закопает.

Терентьич ушёл в землю уже по пояс, когда вдруг услышал:

— Бог в помощь, что ль…

Над ним возвышался попыхивающий папироской Захарка Лепин. Терентьич кивнул и продолжил работать.

— Решился, значит… — Захарка задумчиво наблюдал за вылетающими из ямы кусками земли. — Может, помочь?

Теретьич круто замотал головой, сам, мол. О его мечте знали давно все в округе. Ну, мужики у них в посёлке понимающие, если товарищ помощи не просит или от помощи отказывается, значит, так тому и быть — негоже в душу к человеку лезть, дело значит такое, личное.

Но вот наблюдать в такой ситуации не возбраняется, поэтому Лепин присел на перевёрнутое ведро и задумчиво задымил папиросой. Вскоре к нему присоседился Макар Мазутный, затем явился егозистый Прошка с дальнего конца посёлка, а там уж подтянулись и Виталий Степанович, бухгалтер в отпуске, и молодой, всё время безработный Колян, и Степан Меркулов, и тракторист Василий из дома напротив… В общем, когда Анна Гермагеновна притащила домой десять кг сахара (по пять в каждой руке), её двор кишмя кишел мужиками в трениках, майках и кирзачах — как-никак была суббота, все, так сказать, по-домашнему оделись.

Терентьич устало сидел на краю ямы, отдыхал. Это был только первый шаг, всего одна такая небольшая, но глубокая (метр восемьдесят два примерно) яма, а сколько их ещё придётся выкопать?! В этой клада не было.

Когда Терентьич вылез, ему заботливо поднесли уже подкуренную папироску, которую он принял с благодарностью дрожащими руками. Несколько затяжек сделал при полном молчании. Тишину нарушил Захарка:

— Слышь, Иван, покумекать надо, чего ж так надрываться-то…

— Чё кумекать? — переспросил туповатый Прошка.

— Поразмыслить, где лучше копать.

— И то, — подхватил Колян и загыгыкал, — а то помрёшь, Терентьич, от перенапряга!

— Типун тебе на язык! — воскликнул суеверный бухгалтер, а Захарка спросил:

— Чё ты там про оринтиры говорил?

— Да чё оринтиры, — пыхнул дымом в небо Терентьич, — под деревом, грит, закопал.

Мужики сочувственно закивали головами — где ж взять дерево это. Василий вдруг пихнул Терентьича в плечо, да так, что тот чуть в яму не слетел:

— А у деда Пальто спрашивали? Ему ж лет под сто, должóн помнить.

Что тут началось! Все разом заговорили, загомонили! И как они сразу об этом не подумали?! Ай да Васька, ай да… тракторист! Чего молчал-то, раньше бы сказал! Васька зарделся, сам смущённый своей догадливостью, Терентьич смотрел на всех повеселевшим взглядом, а Виталий Степанович уже гнал со двора Коляна, наказывая ему быть повежливей с дедом Пальто и аккуратненько уговорить его прийти на двор к Малявиным.

Самый старый житель посёлка — дед Пальто — с рождения звался Михайловым Михаилом Михайловичем, а прозвище своё он получил лет тридцать назад, когда приобрёл по дешёвке у заезжего городского синее пальто с блестящими пуговицами. Пальто это дед с тех пор носит круглый год: зимой застёгивая на все (до сих пор сохранившиеся!) пуговицы, весной и осенью — молодцевато распахнув на груди, а летом — внакидку. Несмотря на многие годы — через пару лет столетие намечается — дед Пальто удивлял всех живостью и харизмой: ходил без палки, хоть и согнувшись в три погибели, был в курсе всех поселковых событий, любил давать советы и отличался прекрасной памятью. Однажды вспомнил, как Стёпка Меркулов, будучи пацанёнком, наложил в штаны, когда на него со двора

Иванько́вых гусь выскочил. Степан тогда деда чуть не прибил, мужики отстояли, да сами потом долго подсмеивались над Меркуловым, пока он паре-тройке дружков по шее не накостылял.

Дед Пальто явился скоро — Колян по пути к себе домой заскочил, велосипед взял и доставил деда с ветерком. Дед в распахнутом, бывшем когда-то синим, пальто прошествовал во двор, остановился на тротуаре и, прищурив глаза, взглянул на честно́е собрание:

— Ну?

Захар Лепин, как самый уважаемый дедом соотечественник (дед любил рассудительных и хозяйственных мужиков), выступил вперёд и спросил:

— Слушай, дед, а когда в этом доме ещё Волокитины жили, тебе сколь годков было?

— Не помню, — дед по-прежнему щурился хитровато.

— А ты бывал тогда во дворе здесь?

— Ну, бывал, а чего надоть-то?

— А здесь деревья какие были?

— Было. Одно. Большое такое. Спилили потом, а пень выкорчевали, твой батька, Вась, трахтуром и тянул.

— Где? Стояло где? Покажь, дед! — раздались нетерпеливые, возбуждённые возгласы. Сквозь толпу мужиков протиснулся Терентьич и встал пред дедом с лопатой в руке и грозным видом. Возгласы утихли, а дед Пальто скукожился — струхнул, видать. Но Терентьич о злом не помышлял, заговорил просительно:

— Дед, а дед, где дерево стояло? С меня магарыч, если вспомнишь! Чесслово, даже если клад не найду, магарыч поставлю!

Дед Пальто окинул всех многозначительным взглядом, подбоченился и пошёл по двору вразвалку. Иногда он останавливался, взглядывал в определённое место сквозь калачиком согнутые пальцы, отрицательно качал головой и шёл дальше — сначала вдоль, потом поперёк, потом слева направо и обратно. После довольно долгого променада дед Пальто остановился и нахмурился — такое несуразное забытьё с ним случилось впервые! Его даже зло разобрало от такой несправедливости, он скинул с головы кепку, словно она мешала ему вспомнить, где же стояло то злополучное дерево. Мужики зашептались, а у Терентьича, ни с того ни с сего, глаз задёргался.

Вдруг дед Пальто взбрыкнул, отпнул многострадальную кепку и ринулся в другой конец двора, чуть не сбив с ног Анну Гермагеновну, направляющуюся в огород. Мужики во главе с Терентичем — за ним.

— Ёколо-мо́коло! — возопил дед Пальто, выражая таким образом вселенскую радость. — Чё ж не там ищу-то! Я ж, это самое, малявка был совсем, кто ж меня во двор-то к богачам пустит за просто так, а мы-то, мелюзга, через лаз с поля пробирались и из-за угла подглядывали! А на дереве же качеля расписная висела, на ней волокитинские качались, а нам завидно было, аж до скорби!

Тут дед Пальто остановился, повернулся к мужикам, что гуськом за ним шли, и прикрикнул повелительно:

— Цыть! Здеся стойте! — И пошёл в разведку.

Дед Пальто зашёл за угол дома и тут же высунул оттуда хитрую морду свою, огляделся внимательно из-под руки и вдруг закричал дребезжащим тенором:

— Там вона оно было, точно сказываю, там!

Дед Пальто бежал вслед за своим вытянутым вдаль пальцем, костлявым, с

крупным, прокуренным до черноты ногтем. Столпившиеся мужики во главе с Терентьичем заворожено смотрели туда, куда указывал этот перст — на широкий, обтянутый ситцем в коричневый крупный горох, зад Анны Гермагеновны, склонившейся над морквяной грядкой. Анна Гермагеновна, почуяв неладное, обернулась, увидела деда, с перекошенным лицом бегущего в её сторону, взвизгнула и бросилась от него прочь. Дед Пальто же, добежав до грядки, ткнул пальцем в самую её середину, и проговорил вдохновенно:

— Туточки рой!

Мужики заголосили, кто-то для проформы переспросил деда: «Тут что ли?», кто-то уже подталкивал Терентича и всовывал в его руки лопату. Терентьич замешкался на секундочек несколько, подумал было спровадить зрителей, да понял — не получится, и с размаху воткнул широкое лезвие лопаты прямо в густую поросль разросшейся морквы.

Анна Гермагеновна добежала до крыльца, с перепугу без проблем одолела три крутых ступеньки, распахнула дверь и оглянулась перед тем, как спрятаться в доме. Её взору предстала страшная в своей реальности картина: стадо мужиков топталось по её грядкам, вспахивая их тяжёлыми, ещё отцами железом подбитыми, подошвами кирзачей.

— Ирродыыы! — вскричала Анна Гермагеновна. — Чё ж вы делаете-тааа!

Она уж было собралась разогнать их коромыслом, и даже спустилась на одну ступеньку, да мужики вдруг повернулись в её сторону, все как один насупились и замерли плотной стеночкой. Гермагеновна поняла, что эту броню ей не пробить, поэтому, причитая и охая, осталась на крыльце. А за спинами мужиков Терентьич рьяно махал лопатой.

Когда урожай морквы был загублен окончательно и бесповоротно, а из выкопанной ямы виднелась только блестевшая потом лысина Терентьича, в тишине, наполненной ожиданием и прерываемой еле слышными всхлипами с крыльца, раздался звук удачи — под лопатой звякнуло что-то железное, и звук этот эхом отозвался в головах всех собравшихся. Терентьич, дыша хрипло, с подвыванием, опустился на колени и принялся разгребать руками влажную, рыхлую землю. Вскоре его дрожащие руки уже счищали налипшую за десятилетия грязь с крышки небольшого сундучка, изукрашенного коваными узорами. Терентьич поднял сундучок и с натужным выдохом: «Йех!» выставил его на край ямы. Мужики как-то разом отступили на два шага, а потом и вовсе отошли подальше, скучковавшись у забора. Кладоискатель вылез из ямы и присел на корточки рядом со своей находкой. Замка на сундучке не было, но петли, конечно, заржавели, поэтому Терентичу пришлось напрячься, чтобы открыть крышку. Сундучок открылся со скрипом. В лучах заходящего солнца тускло, но так благородно блестели крупные золотые монеты с царским профилем на аверсе.

На крыльце, раскрыв рот и схватившись за грудь, под которой в волнении билось сердце, стояла бледная Анна Гермагеновна, а на развороченной грядке сидел Терентьич, размазывал по чумазому лицу счастливые слёзы и бормотал:

— Нашёл! Братцы мои разлюбезные! Нашёл!